

М. В. Александрова

**Частное пространство в российском городе XIX–XX вв.:
квартирный вопрос и границы личного**

Выполнено по гранту РГНФ № 15–03–00655

Статья посвящена исследованию городской среды и жилища в России XIX–XX вв. в аспекте пограничности личного и общественного пространства. В статье акцентируются два ракурса проблемы: рефлексия «приватности» пространства представителями разных социальных групп и роль государственной идеологии в регламентации границ пространства частной жизни человека. Социокультурный опыт решения жилищного вопроса и организации городского пространства позволяет выявить специфику восприятия частного пространства в российской повседневной культуре рубежного периода конца XIX – начала XX в. На основе анализа повседневных практик столичных и провинциальных обывателей, типов городского жилища и методов решения жилищного вопроса в статье прослеживается динамика и трансформация границ частного пространства в дореволюционном и советском городе. Материалом исследования выступают дневники и мемуары горожан, законодательные акты и архивные документы, раскрывающие механизмы и стратегии государственной жилищной политики XIX–XX вв.

Ключевые слова: пограничность, повседневность, частное пространство, жилище, приватность, городская среда, столица, провинция, коммунальная квартира.

M. V. Aleksandrova

**Private Space in the Russian City of the 19–20-th centuries:
Housing Problem and Borders of Personal**

The article investigates the urban environment and housing in Russia XIX–XX centuries in aspects of border private and public space. The paper accented two items: reflection of «privacy» of the space by different social groups and the role of state ideology in the regulation of private space boundaries. Socio-cultural experience in the housing problem and the organization of urban space reveals the specifics of private space perception in the Russian culture in the XIX–XX centuries. On the basis of the daily practices of capital and provincial inhabitants, urban housing types and methods for solving the housing problem in the article is traced the dynamics and transformation of private space boundaries in the Russian and Soviet city. The material of the study is the diaries and memoirs of citizens, legislation and documents revealing the strategies of the government's housing policy in the XIX–XX centuries.

Keywords: border, everyday life, private space, housing, privacy, city, capital, province, communal apartment.

Специфика личностного восприятия дихотомии личного и общественного пространства, осознания социально закрепленных в повседневной практике границ частной жизни тесно связана с исследованием жилищного вопроса. Философия Нового времени определяет личность и индивидуальность через понятие «дом», который, по сути, становится единственным убежищем частного лица во времена революций, государственных переворотов и войн. Изменения в европейском культурном менталитете и появление законодательной защиты частной собственности привели к осознанию права на «приватность», ценности и необходимости личного пространства, отношению к жилищу как к театру внутренней жизни человека. Вместе с тем именно в России, по мнению историков XIX – начала XX в., проведение водораздела между общественным и частным, в том числе и на пространственном уровне, оставалось прерога-

тивной государства гораздо дольше, чем в странах Западной Европы [2]. История российской частной жизни во многом остается малоисследованной и неактуализированной в современной европейской науке. Пяти томное исследование «История частной жизни», опубликованное группой французских, британских и американских ученых под руководством историков школы «Анналов» Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби [13], не уделяет России большого внимания. Однако и в российской философии «частная жизнь» часто противопоставляется не «общественной жизни», а «русской душе» и «русскому характеру» с присущим им коллективизмом и «соборностью» [1, с. 103]. В качестве черт русской судьбы П. Я. Чаадаев выделял бездомность и сиротство: «Взгляните вокруг себя. Не кажется ли, что всем нам не сидится на месте. Ни у кого нет определенной сферы <...> нет даже домашнего очага... В своих домах мы

будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками...» [21, с. 41]

Исследование повседневных практик и реалий быта российских горожан в жилищной сфере, дневников и мемуаров обывателей позволяет выявить два аспекта проблемы пограничности личного и общественного пространства в России. Одним из них выступает корреляция социального статуса личности и ее рефлексии в отношении «приватности» пространства, другим – роль государственной политики и идеологии в регламентации границ пространства частной жизни человека.

Рубеж XIX–XX вв., ставший для России временем бурных социальных преобразований и экспериментов, акцентирует проблему границ личного и общественного пространства в плоскости города, и в особенности – жилища. Важнейшей отличительной чертой российского урбанизационного процесса, по сравнению с Западной Европой, являлась огромная роль государства, которое не только создавало города, но и регламентировало их жизнь [19, с. 78]. Для крупных дореволюционных российских городов была характерна четкая иерархия пространства, соответствующая принципам имперской идеологии. Петербург начала XX столетия распадался, в представлении горожан, на районы «буржуазно-аристократические» (центр) и рабочие, включавшие «городские деревни» (окраины) [10, с. 31]. Концентрическая структура Москвы воспринималась как «феодално-иерархичная» [18, с. 94]. Рубежным временем для формирования провинциальных городов стала эпоха повсеместного утверждения «регулярных планов», начавшаяся с губернской реформы 1775 г. В частности, Ярославль, ставший одним из первых опытов градостроительных преобразований Екатерины II и сохранивший планировочную структуру исторического центра до наших дней, даже в большей степени, нежели российские столицы, демонстрирует деление городского пространства на парадное и повседневное, престижное и неблагоустроенное.

К началу XX в. центр Ярославля, как и во времена Екатерины II, застраивался преимущественно каменными зданиями и ассоциировался, прежде всего, с богатством, лучшими жилищными условиями, удобством и роскошью, престижем, хорошей городской инфраструктурой. Наиболее заметную часть домовладений здесь составляли частные особняки состоятельных горожан, сохранявшие усадебный тип застройки, окруженные флигелями, многочисленными служебными помещениями, садами. При этом и в рамках центра

пространство делилось на «парадное» и «дворовое». Строгие классицистические фасады, выходящие на главные улицы, скрывали непрезентабельные переулки, проезды, деревянные дворовые постройки. Именно здесь, с «черного входа», зачастую начиналось пространство частной жизни, воспринимавшееся градостроительной идеологией как второстепенное.

Ближе к окраинам застройка была в основном деревянной. Строительство фабрик и заводов за чертой города, где предпринимателей привлекала дешевая земля, способствовало освоению новых территорий. Вместе с предприятиями на окраинах появлялись жилые поселки барачного типа, возводящиеся без плана и зачастую без соблюдения необходимых санитарно-гигиенических норм. В районе грузового порта Дядьково хаотично возникали поселки разнорабочих – «зимогоров», наспех сооруженные шалаши, хижины, полуземлянки. У Московского вокзала, станций Всполье и Урочь формировались поселки железнодорожников. Жилые массивы частных застройщиков образовались за городским валом, вдоль Угличской дороги. Все эти территории к 1910 г. вошли в пределы города, но сохраняли полумаргинальный уклад жизни обитателей – недавних выходцев из деревни.

Безусловно, социокультурная среда города – как в центре, так и на окраине – была неоднородной. В доходных домах могли проживать представители разных слоев общества, во дворах находились ветхие деревянные постройки, ремесленные мастерские и небольшие предприятия. Шалаши «зимогоров» встречались даже на ярославской Стрелке, в то время как жилые кварталы вокруг Ярославской Большой мануфактуры, напротив, застраивались не бараками, а добротными кирпичными корпусами с необходимой социально-бытовой инфраструктурой. Вместе с тем на визуальном уровне и в сознании горожан центр и окраина города ассоциировались с разным социальным статусом обитателей, разным типом жилища и, как следствие, разным восприятием частного пространства. Именно этот водораздел, фиксируемый на ментальном уровне, ярко отразился в идеологических кампаниях первых лет советской власти, превращая популистский тезис «Дворцы – рабочим» в главный лозунг жилищного передела.

«Дворцы» – в восприятии обывателя – существовали не только в столицах, но и в губернском Ярославле, соответствуя представлениям об определенных жилищных условиях, недостижимых для большей части горожан. Согласно запискам пе-

тербургского журналиста И. И. Кольшко, посетившего Ярославль в 1887 г., «лучшие дома принадлежат богатым купцам. Таковы: дом Пастухова, архимиллионера, торгующего железом. Его жилище, в виде нескольких каменных флигелей, обнесенных обширной каменной оградой, представляет собой как будто крепость. Затем громадный дом, бывший купца Полетаева, по виду – дворец, с массивными окнами и дверьми. Дом купца Сорокина, хозяина белильных заводов, – маленький паласо в заграничном стиле, с колоннами и зеркальными стенами...» [14, с. 138]. Примечательна и практика полуофициальных наименований жилых домов по фамилии владельца, нередко заменявшая обычные адреса. На рубеже XIX–XX вв. в ярославских документах и почтовой переписке упоминается «Пастуховский переулок» (часть совр. ул. Пушкина), названный по двум домовладениям известной купеческой семьи [22, с. 167], дом Вахрамеева против «медного столпа» [7] и т. п.

Частная жизнь обитателей провинциальных «дворцов» определялась, как правило, купеческим патриархальным укладом, интерпретировавшим отдельные практики светской жизни столичного общества. А. В. Пастухова, урожденная Поздеева, выйдя замуж за представителя богатейшей ярославской династии, вспоминала о первых годах брака: «Мы занимали 6 комнат, не считая передней и в мезонине, 4 комнаты для прислуги. Когда у нас семья прибавилась, то мы заняли низ этого дома. Но и этого оказалось мало – тогда мы заняли рядом двухэтажный дом. Для этого дедушка переделал дом так, что уничтожил между двумя домами ворота и соединил два дома вместе. С этого прохода между двумя домами вышло вниз: передняя, большая самоварная и большая кухня, вся обложенная плитками, плита и русская печь. А наверху получилась большая хорошая столовая и зимний сад. Всего комнат было 22... Двор был огромный. Посредине двора был построен тоже двухэтажный дом. Внизу помещались ледники и в бельэтаже были комнаты. Но там никто не жил» [3, с. 104]. В список «дворцов» Ярославля можно включить и особняк Дунаева, находившийся, по меркам того времени, на окраине города – на территории фабрики «Балканская звезда», и знаменитый «замок» Понизовкиных при картофелепаточном заводе (ныне пос. Красный Профинтерн).

Парадокс заключался в том, что даже в столь роскошных, многокомнатных апартаментах ярославское купечество, как и немногочисленное в Ярославле дворянство, редко акцентировало по-

нятие «приватности», разделяя жилище с многочисленной челядью и дальними родственниками. В 1839 г. Астольф де Кюстин поражался обычаям русского аристократического жилья – «неопрятности в быту, отсутствию личного пространства и глубокому природному беспорядку, который напоминает об Азии». Жилище дворянина, по свидетельству Кюстина, имеет чрезмерное количество спальных мест: деревянные скамьи, подушки и парадная кровать, выставленная на всеобщее обозрение, а также множество легких перегородок, отделяющих парадные комнаты от жилых [16, с. 67]. По воспоминаниям С. В. Дмитриева, служившего в юности в доме ярославских купцов Огняновых, ситуация не многим изменилась и к концу XIX в.: слуги спали на тюфяках в кухне, где часто появляется и хозяин, а за господским столом обедали гувернантка, бонна и «приживалка». Все обитатели дома, включая хозяев и слуг, ходили в одну и ту же баню в трогательном, определенном традицией порядке и вместе молились по церковным праздникам [11, с. 113–154]. Ценность личного пространства начинает осознаваться привилегированными слоями общества в переломную эпоху советского жилищного передела, когда соседство нескольких семей в одной квартире становится принудительным, а правила этого соседства начинают бесцеремонно задаваться «извне».

Для менее состоятельных горожан практика коммунального жилища, позднее ставшая нормой советской эпохи, была во многом знакома. С середины XIX в. в российских городах распространяются доходные дома, владельцы которых сдавали помещения в аренду – как для коммерческих целей, так и под жилье. Согласно исследованиям Е. Д. Юхневой, в Петербурге количество квартир в таких домах могло варьироваться от 3 до 50, а число жильцов в одной комнате доходило до 10. При этом под жилье использовались все помещения доходного дома, включая кухни, передние, чуланы и подсобные помещения [26, с. 115].

Жизненный уклад доходного дома Петербурга хорошо известен по произведениям классиков русской литературы. Однако существуют и свидетельства реальных обитателей доходных домов, среди которых наиболее ценными выступают заметки провинциалов, эмоционально фиксирующих непривычные условия жизни. В частности, вологодский крестьянин И. Я. Юров, приехав на заработки в Петербург, писал: «Даже нас, деревенских жителей, не очень избалованных в смысле чистоты, поразило то, что мы увидели. Кварти-

ра была битком набита так называемыми угловыми жильцами, семейными и одиночками. Все обитатели этого гнезда были покрыты грязнейшими, отвратительными лохмотьями, в помещении была тошнотворная духота. В комнате размером в квадратную сажень было так же душно и, кроме того, темно... Единственное окошечко выходило на чердак. С вечера и до утра в квартире происходила драка, сквозь тонкую дощатую перегородку к нам доносилась отвратительная ругань, слышались приглушенные стоны и плач» [25].

В центральных кварталах Петербурга в доходных домах, снимая отдельные и вполне комфортные квартиры, мог жить и купец, и чиновник, и дворянин. В провинции такая жилплощадь чаще служила пристанищем для сезонных рабочих, торговцев, студентов или прислуги. Ярославец Сергей Дмитриев, чье детство прошло в доходном доме, запомнил его колоритных обитателей: «Против нас жили шесть человек рабочих. Придя часов в 5–6 с работ, они ужинали и усаживались кругом слушать чтение книг. Читали кто умел, по очереди... Рядом жили казанские татары, торговцы-разносчики. Возвращались татары в 6–8 вечера и начинали готовить себе обед. Кто-то прирезал и чистил кур или мясо, большей частью конское. Кто делал лапшу, кто чистил картошку. Ели, сидя на полу, поджавши под себя ноги. Вечером татары разбирали всевозможные вещи, которые выменивали за день. И чего тут только не было: целый базар всякого хлама!..» [11, с. 56]

Частная жизнь и личное пространство, не акцентированные в дореволюционном законодательстве, не стали приоритетом и в постановлениях новой, советской власти. Первое послереволюционное 15-летие стало временем поисков социокультурных основ нового строя: разрабатывались новые градостроительные концепции, предполагавшие создание домов-коммун и «соцгородов», уничтожение индивидуального «мещанского» быта и культивирование коллективных практик повседневности. На практике воспитание «нового человека» проходило гораздо быстрее и радикальнее. Уже в конце 1917 г. рабочие и красногвардейцы стали явочным порядком занимать «дворцы» буржуазии. В основу жилищной политики 1917–1919 гг. был положен ленинский план «революционного жилищного передела», проходившего по аналогии с революционным переделом земли. В ноябре 1917 г. В. И. Ленин разработал проект «О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных» [17, с. 380]. «Богатой» считалась квартира, где число комнат равнялось или превышало

количество жильцов. В этой формуле, фактически запрещающей людям иметь личное жизненное пространство, была заложена система «коммунального» быта, ставшая основой советской жилищной политики.

Переселение трудящихся с рабочих окраин в квартиры «бывших» осуществлялось в 20-е гг. во многих крупных городах. В Москве количество рабочих, проживавших в пределах Садового кольца, увеличилось за три года советской власти с 5 до 50 % [18, с. 95]. В Ярославле положение значительно усугублялось последствиями подавления «белогвардейского мятежа» летом 1918 г. Разрушения привели к потере 34 % жилой площади города. Совершенно без крова осталось 28 тыс. жителей Ярославля, то есть около трети городского населения. Вся эта масса, «лишившаяся убежищ и потерявшая домашний скарб, волной хлынула на жительство в центр города, занимая подвальные и неблагоустроенные помещения, размещаясь в квартирах через уплотнение других жильцов» [8].

В августе 1918 г. вышел декрет «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах». Лишь небольшие, как правило, деревянные строения с низкой оценочной стоимостью могли оставаться в частном владении. В Ярославле таким образом было муниципализировано 85 % всей жилой площади, для бывших владельцев доступ к распоряжению этим жильем был закрыт [6]. Дом перестал быть «крепостью», а человек в нем – «хозяином». Вместе с частной собственностью уничтожались понятия «домашнего очага», «уют», уходило восприятие жилища как личного пространства.

Ленинский план, не позволявший человеку иметь собственную комнату, уже через два года оказался недостаточно эффективным для решения жилищного вопроса. Новой мерой стала принятая в 1919 г. санитарная норма жилой площади – 18 квадратных аршин на человека (9,1 м²) [5]. Данная цифра была основана на физиологических потребностях человеческого организма в определенном объеме воздуха [12, с. 78].

Именно эта законодательно закреплённая норма частного пространства человека определила появление новых понятий советской повседневности – «излишки» и «уплотнения». Терминология передела рождала иное восприятие повседневности – постоянный страх за свой временный угол, осознание непрочности частного мира, незащищенности личного пространства. Ярославец А. Куницын в начале 20-х гг. отмечал в дневнике, что «революция разрушила те ценности, в

которых видели мы и цель, и основание жизни. Она показала всю призрачность, всю эфемерность нашего уклада. Кажется, сейчас нет ничего цельного, нетронутого» [20]. За период с августа 1918 по декабрь 1919 г. многие ярославские семьи вынуждены были менять место жительства по 3–4 раза, некоторые – по 6 и более раз [4]. При этом даже соответствие заветной цифре не гарантировало стабильности. Парадокс заключался в том, что в больших городах норма жилплощади фактически не соблюдалась на практике. В Ярославле средняя обеспеченность населения жильем была в 6 раз меньше – 1,5 м² на человека [4]. При уплотнениях гражданам давался лишь двухнедельный срок «для подыскания себе сожителей», а затем совершенно посторонние жильцы вселялись принудительно.

По определению американского исследователя советской жилищной политики Стивена Коткина, «коммунальная модель ... оказалась не чем иным, как миром, вывернутым наизнанку» [15, с. 110]. Право на лучшие или, по крайней мере, нормальные жилищные условия определялось отныне не финансовым положением человека, а его «классовым статусом». При этом бывшая элита общества оказалась на самых нижних ступенях новой социальной иерархии – как в переносном, так и в буквальном смысле. Так, семейство ярославских фабрикантов Вахрамеевых было переселено в подвал, где прежде жили рабочие принадлежавшей им фабрики [4]. Заявление гражданки Вахрамеевой о том, что жить там нельзя, было оставлено властями без внимания. В документах Комиссии по выселению буржуазии, созданной при ярославском Губисполкоме, отмечалось, что «общими усилиями необходимо вытащить семьи рабочих из сырых подвалов», а буржуазии отводить лишь помещения, «в которые не представляется возможным поместить красноармейцев или трудящихся». Главным основанием для выселения служил не текущий, а дореволюционный статус семьи. Впрочем, поводом могло стать и наличие у жильца «предметов роскоши и украшений» [4].

Постепенно центральная часть города из элитного района, олицетворявшего престиж, комфорт и стабильность, превращается в средоточие непрерывных переселений, переделов и конфликтов. В 1923 г. Корней Чуковский писал в дневнике: «В Москве теснота ужасная; в квартирах установился особый московский запах – от скопления человеческих тел. И в каждой квартире каждую минуту слышно спускание клозетной воды, клозет работает без перерыву. И на дверях записочка:

один звонок такому-то, два звонка – такому-то, три звонка такому-то и т. д.» [24]. Бывшим хозяевам просторных квартир было труднее всего смириться с потерей частного пространства. Однако уже следующее поколение переживало условия коммунального быта как нечто естественное.

Анализ «Семейных карт о характере жилищных условий населения» показывает, что к 1926 г. лишь 20 % ярославских семей занимали отдельную квартиру, 34 % – отдельную комнату. Под жильем использовалась вся площадь квартир, включая проходные комнаты, коридоры и подсобные помещения, что приводило к исчезновению функциональной дифференциации помещений. Отдельной кухней располагали лишь 16 % семей, 52 % семей делили ее с соседями, 22 % жильцов не имели возможности использовать кухню для приготовления пищи. Пять процентов населения Ярославля не имело собственного жилья, проживая в кухнях, нежилых помещениях и «углах» [9]. Жилище превратилось в публичное пространство, наделялось функциями социального контроля. Стабильность жилищных условий не гарантировалась вовсе, улучшить их можно было лишь с помощью «связей» или доносов на соседей. По выражению И. Утехина, «приватность в коммунальном быту была предметом постоянной и болезненной озабоченности» [23, с. 380]. Частное пространство постоянно и вынужденно оказывалось проницаемым и незащищенным. Для преодоления психологических и социальных последствий «жилищного передела» потребовался не один десяток лет, однако их проявления нередко можно заметить и в современном российском обществе.

Библиографический список

1. Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни [Текст] / Светлана Бойм. – М. : Новое литературное обозрение, 2002.
2. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права [Текст] / М. Ф. Владимирский-Буданов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1898. – Т. 22. – С. 532–534.
3. В потомственное дворянское достоинство возведен [Текст]. – Ярославль : Издательский дом Н. П. Пастухова. 2008.
4. ГАЯО. Ф. Р-180. О. 1. Д.424. Л. 283, 415, 447, 452, 552, 561, 647, 660
5. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. Д. 4. Л. 101.
6. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. Д. 107. Л. 18.
7. ГАЯО. Ф. Р-208. О.1. Д. 237. ЛЛ. 58–59.
8. ГАЯО. Ф. Р-208. О. 1. Д. 380. Л. 18.
9. ГАЯО. Ф. Р-548. О. 2. Д. 1375. ЛЛ. 41–44.

10. Герасимова, К., Чуйкина, С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду [Текст] / К. Герасимова, С. Чуйкина // Нормы и ценности повседневной жизни. – СПб., 2000.
11. Дмитриев, С. В. Воспоминания [Текст] / С. В. Дмитриев. – Ярославль : Александр Рутман, 1999.
12. Жилищное законодательство. Сборник декретов, инструкций и распоряжений с комментариями [Текст]. – М., 1927.
13. История частной жизни [Текст] / под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби : в 5 т. – М., 2015.
14. Кольшко, И. И. Очерки современной России [Текст] / И. И. Кольшко. – СПб. : Общественная польза, 1887.
15. Коткин, С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху [Текст] / Стивен Коткин // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. – М., 2001.
16. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году [Текст] / Астольф де Кюстин. – СПб., 2008.
17. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений [Текст] / В. И. Ленин. – Т. 54. – М., 1975.
18. Паперный, В. Мужчины, женщины и жилое пространство [Текст] / В. Паперный // Жилище в России: век XX. – М., 2001. – С. 94.
19. Сенявский, А. С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе [Текст] / А. С. Сенявский. – М., 2003.
20. Старый дневник [Текст] // Городские новости. – 9 января 2004. – С. 20.
21. Чаадаев, П. Я. Статьи и письма [Текст] / П. Я. Чаадаев. – М. : Современник, 1989.
22. Ярославль : историко-топонимический справочник [Текст] / под ред. А. Ю. Данилова и Н. С. Землянской. – Ярославль, 2006.
23. Утехин, И. В. О бытовом ограждении [Текст] / И. В. Утехин // Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. – СПб. : Изд-во Европейск. ун-та в СПб., 2007. – С. 375–383.
24. Чуковский, К. И. Дневник. 1901–1969 [Текст] / К. И. Чуковский. – Режим доступа: <http://arzamas.academy/materials/552>
25. Юров, И. Я. История моей жизни [Рукопись] / И. Я. Юров, 1933–1935.
26. Юхнева, Е. Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта [Текст] / Е. Д. Юхнева. – М. : Центрполиграф, 2012.
3. V potomstvennoe dvorjanskoe dostoinstvo vozveden [Текст]. – Jaroslavl' : Izdatel'skij dom N. P. Pastuhova. 2008.
4. GAJaO. F. R-180. O. 1. D.424. L. 283, 415, 447, 452, 552, 561, 647, 660
5. GAJaO. F. R-208. O. 1. D. 4. L. 101.
6. GAJaO. F. R-208. O. 1. D. 107. L. 18.
7. GAJaO. F. R-208. O.1. D. 237. LL. 58–59.
8. GAJaO. F. R-208. O. 1. D. 380. L. 18.
9. GAJaO. F. R-548. O. 2. D. 1375. LL. 41–44.
10. Gerasimova, K., Chujkina, S. Ot kapitalisticheskogo Peterburga k socialisticeskomu Leningradu [Текст] / K. Gerasimova, S. Chujkina // Normy i cennosti povsednevnoj zhizni. – SPb., 2000.
11. Dmitriev, S. V. Vospominanija [Текст] / S. V. Dmitriev. – Jaroslavl' : Aleksandr Rutman, 1999.
12. Zhilishhnoe zakonodatel'stvo. Sbornik dekretov, instrukcij i rasporejzhenij s kommentarijami [Текст]. – М., 1927.
13. Istorija chastnoj zhizni [Текст] / pod obshhej red. F. Ar'esa i Zh. Djubi : v 5 t. – М., 2015.
14. Kolyshko, I. I. Oчерки sovremennoj Rossii [Текст] / I. I. Kolyshko. – SPb. : Obshhestvennaja pol'za, 1887.
15. Kotkin, S. Zhilishhe i sub#ektivnyj harakter ego raspredelenija v stalinskuju jepohu [Текст] / Stiven Kotkin // Zhilishhe v Rossii: vek HH. Arhitektura i social'naja istorija. – М., 2001.
16. Kjustin, A. de. Rossija v 1839 godu [Текст] / Astol'f de Kjustin. – SPb., 2008.
17. Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochinenij [Текст] / V. I. Lenin. – Т. 54. – М., 1975.
18. Papernyj, V. Muzhchiny, zhenshhiny i zhiloe prostranstvo [Текст] / V. Papernyj // Zhilishhe v Rossii: vek HH. – М., 2001. – С. 94.
19. Senjavskij, A. S. Urbanizacija Rossii v XX veke. Rol' v istoricheskom processe [Текст] / A. S. Senjavskij. – М., 2003.
20. Staryj dnevnik [Текст] // Gorodskie novosti. – 9 janvarja 2004. – С. 20.
21. Chaadaev, P. Ja. Stat'i i pis'ma [Текст] / P. Ja. Chaadaev. – М. : Sovremennik, 1989.
22. Jaroslavl' : istoriko-toponimicheskij spravochnik [Текст] / pod red. A. Ju. Danilova i N. S. Zemljanskoj. – Jaroslavl', 2006.
23. Utehin, I. V. O bytovom ograzhdenii [Текст] / I. V. Utehin // Sbornik statej k 60-letiju A. K. Bajburina. – SPb. : Izd-vo Evropejsk. un-ta v SPb., 2007. – С. 375–383.
24. Chukovskij, K. I. Dnevnik. 1901–1969 [Текст] / K. I. Chukovskij. – Режим доступа: <http://arzamas.academy/materials/552>
25. Jurov, I. Ja. Istorija moej zhizni [Rukopis'] / I. Ja. Jurov, 1933–1935.
26. Juhneva, E. D. Peterburgskie dohodnye doma. Oчерки iz istorii byta [Текст] / E. D. Juhneva. – М. : Centropoligraf, 2012.

Bibliograficheskij spisok

1. Bojm, S. Obshhie mesta: Mifologija povsednevnoj zhizni [Текст] / Svetlana Bojm. – М. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.
2. Vladimirs'kij-Budanov, M. F. Obzor istorii russkogo prava [Текст] / M. F. Vladimirs'kij-Budanov // Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). – SPb., 1898. – Т. 22. – С. 532–534.